

Глава II. Справедливость и равенство – категориальные основы общественной морали

§1. Проблема определения справедливости

Исследовательский замысел

Ключевой моральной категорией в области общественной морали служит категория справедливости. Именно представления о справедливости и несправедливости являются тем общим ценностным знаменателем, который служит основой для вынесения суждений об оправданности различного рода общественных практик, традиций и институтов. Оценка социальной реальности в свете данного нормативного понятия обуславливает переход от трансформационных импликаций социальной этики к стабилизационным и наоборот.

В данной главе планируется рассмотреть некоторые наиболее общие характеристики категории «справедливость». Первый уровень нашего исследования будет относиться к исходному значению этого термина, к той аксиологической сфере, которая маркирована словами «справедливое» и «несправедливое». Ведь имплицитно, на

интуитивном уровне, выделение такой сферы неизбежно предшествует всем нормативным и ситуативно-практическим конкретизациям справедливости. В литературе по этической теории данная проблема традиционно обозначается как проблема «определения справедливости». Ее важность может оцениваться по-разному в зависимости от того, насколько продуктивным представляется анализ отношения *понятия* и *концепций* справедливости. Некоторые исследователи считают, что его результаты могут носить лишь тривиальный характер, поскольку по поводу понятия «справедливость» существует достаточно стойкий консенсус, а все существенные разногласия (теоретического и практического плана) присутствуют уже на уровне концепций. Подобной позиции придерживался Дж. Ролз, утверждавший, что «различие между единственным понятием (concept) и концепциями (conceptions) справедливости не разрешает серьезных вопросов. Оно просто помогает идентифицировать роль принципов социальной справедливости»¹.

Однако существует и иное мнение, согласно которому понятие справедливости выступает как недостаточно прозрачное и общепризнанное, а прояснение его содержания задает один из критериев, позволяющих устанавливать правомерность концепций. Если данное мнение правильно, то в ходе теоретического анализа понятия могут быть выявлены некоторые ограничения того, что можно требовать во имя справедливости. Пользуясь формулировками П. Стралендорфа, мы получаем возможность выносить суждение о *концепциях* справедливости на основании *понятия* «справедливость», или мы можем утверждать, что какая-то «концепция справедливости является несправедливой просто потому, что она не о справедливости как таковой»². С данной точки зрения, упоминае-

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 21.

² Strahlendorf P. Traditional Legal Concepts from an Evolutionary Perspective // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law / Ed. by R. D. Masters, M. Gruter L.: Sage Publications, 1992. P. 133. Этот полемический прием использует против концепции Дж. Ролза известный американский этик и социальный философ Дж. Кекекес, указывая на то, что либеральные дефиниции справедливости в корне искажают перспективу дискуссии о справедливом и несправедливом общественном устройстве. Они, с его точки зрения, теряют античную перспективу видения справедливости, в которой та представляет собой воздаяние по заслугам (*Kekes J. Against Liberalism. Ithaca – L.: Cornell University Press, 1997. P. 121–127*). Однако, думаю, что дальнейшее обсуждение проблемы частной и общей справедливости покажет неполноту позиции Дж. Кекекеса, поскольку его определение относится лишь к частной справедливости.

мая Дж. Ролзом идентификация роли принципов справедливости в обществе представляет собой нетривиальную проблему, и от ее решения в значительной мере зависит общая нормативная рамка моральной легитимизации (и делегитимизации) общественных институтов. В данной главе мы попытаемся принять этот, антиролзианский, тезис за точку отсчета и рассмотреть некоторые из направлений, в которых понятие справедливости ограничивает ориентированные на решение практических проблем концепции.

Второй уровень анализа касается так называемой «области справедливости» (в англоязычной литературе – «the scope of justice»). Это словосочетание используется для того, чтобы обозначить контекст корректного применения нормативного понятия, выявить те ситуации и отношения, на которые правомерно распространяется его действие. Введение термина «область справедливости» предполагает, что любые принципы справедливости имеют смысл только на фоне определенным образом структурированной социальной реальности. Именно ее особенности и превращаются в предпосылку поиска справедливой системы взаимоотношений между членами сообщества. При этом следует учитывать, что вопрос об области справедливости может рассматриваться относительно независимо от вопроса о ее дефиниции¹ или же восприниматься как тесно связанный с ним отношениями взаимной коррекции. В ходе дальнейшего исследования я буду руководствоваться мнением, что их решение возможно лишь в ходе комплексного исследования. Поэтому в третьем параграфе данной главы я попытаюсь выявить те дополнения к определению справедливости, которые можно сделать на основе анализа ее области, а в четвертом – рассмотреть проблему области справедливости изолированно, то есть исключительно под углом зрения ее фактических пределов, касающихся сообществ различного типа.

Решая задачу определения справедливости и выявления ее области, необходимо постоянно иметь в виду одно серьезное методологическое затруднение. Односторонняя концентрация внимания на подобных проблемах способна оказывать разрушительный эффект на конструктивную философскую полемику по поводу соци-

¹ См. рассуждение Дж. Ролза о понятии справедливости (*Ролз Дж.* Теория справедливости. С. 21, 24) и прямо не связанное с ним, гораздо более полное рассуждение об области справедливости (Там же. С. 120–122)

ально-этических вопросов. Когда участники дискуссии о справедливом общественном устройстве сосредотачиваются преимущественно на обсуждении понятия и области справедливости, они рискуют лишиться возможности обогащения своих точек зрения за счет серьезного и вдумчивого анализа аргументов противника, представляющего в споре иную нормативную позицию. Введение достаточно определенного общего понятия справедливости и ее строго ограниченной области может оказаться избыточно мощным полемическим инструментом, позволяющим снимать любые возражения, не вникая в их существо. Это достигается простым утверждением о том, что я веду речь о справедливости, а мой оппонент – нет, или что я применяю понятие в соответствующем ему социальном контексте, а мой оппонент – нет. То есть обращение к метанормативной рамке этики справедливости может превращаться в софистический прием, упрощающий и уплощающий нормативный анализ общественно-политической практики¹.

Не думаю, однако, что эти угрозы дискредитируют обрисованные выше исследовательские проблемы как таковые. Возможность деструктивных последствий не влечет за собой автоматически необходимость снять обсуждение данной проблематики с повестки дня. Оно лишь требует предельной осторожности и способности не замыкаться на вопросах словоупотребления, постоянно соотнося философскую дискуссию об определении и области справедливости с запросами общественной практики и с эмпирическими выводами по поводу устройства человеческих сообществ.

Общая и частная справедливость: различие уровней нормативной конкретизации

Итак, обратимся к первой проблеме. Определение понятия «справедливость» требует от исследователей учета разнообразия его се-

¹ Применительно к проблеме соотношения концепций и понятия справедливости Т. Кемпбелл характеризует эту тенденцию следующим образом: «Существует опасность скатиться к ограничительному анализу понятия справедливости, который исключает соперничающие политические или философские позиции на произвольной основе... Анализ понятия... который диктует ему специфическое значение, часто может представлять собой не более, чем инструмент для вывода одной из систем ценностей за пределы критической оценки» (*Campbell T. Justice. L.: Macmillan Press Ltd., 1989. P. 8*).

мантического поля. Существует не одно, а несколько отличающихся друг от друга значений этого слова, на что обратил внимание уже Аристотель в своем анализе понятия «правосудность», которое за счет некоторых огрублений рассматривается современными этиками как приблизительный синоним термина «справедливость». Имеется в виду предложенное им разграничение «общей» и «частной» «правосудности», или, соответственно, «общей» и «частной» справедливости. Оно предполагает, что справедливость может рассматриваться как *полная добродетель*, взятая в отношении к другим лицам, и как *одна из добродетелей*, имеющая собственный предмет, обусловленная особым рода мотивацией и выступающая как середина между крайностями¹.

На первое из возможных значений этой аристотелевской дистрикции обращает внимание А. А. Гусейнов, предлагающий видеть в ней указание на два различных уровня общности употребления исследуемого понятия. Один из них принадлежит к области предельных нормативных оснований морали, другой – к сфере социально-политической и правовой конкретики. Соответственно, в понимании А. А. Гусейнова общая справедливость у Аристотеля раскрывает этико-философский смысл этого термина, а частная – этико-юридический. Как полагает А. А. Гусейнов, общую справедливость «можно определить как... последнюю нравственно-апелляционную инстанцию в общественных делах. Справедливость придает легитимность общественным действиям и формам жизни. Она совпадает с нравственностью в ее проекции на социальную сферу. Общая справедливость отвечает на вопрос о предназначении и смысле совместного, объединенного, социально-упорядоченного существования в обществе и государстве». В то же время, частная справедливость есть санкционированная в свете определенного понимания предназначения и смысла человеческого общества система «распределения благ и зол (преимуществ и недостатков, выгод

¹ Некоторые исследователи полагают, что аристотелевское деление справедливости на частную и общую в современном языковом обиходе потеряло свое значение (*Hardie W. F. Aristotle's Ethical Theory. Oxford: Clarendon, 1968. P.185, Miller D. Social Justice. Oxford: Clarendon, 1976. P.17*). Однако, как мне представляется, это не совсем так. Что и будет предметом дальнейшего обсуждения.

и потерь) совместной жизни людей в рамках единого социального, государственно организованного пространства»¹.

Два уровня использования понятия «справедливость» не изолированы друг от друга. Обобщенные принципы, задающие смысл социального сосуществования людей, конкретизируются в виде институтов, законов и обычаев, а наличные формы распределения преимуществ и потерь общественной жизни задают своеобразный горизонт понимания предельных целей общества. Как пишет тот же А. А. Гусейнов: «справедливость как этико-философская категория и как этико-юридическая категория связаны между собой столь органично, что ни одна невозможна без другой. Они образуют два аспекта единой теории справедливости»². Однако это единство выступает как единство подвижное и противоречивое. Оно указывает не на «предустановленную гармонию» между общей и частной справедливостью, а на перманентную, самовоспроизводящуюся проблему – проблему перевода социальных и политических вопросов с языка общей справедливости на язык частной и наоборот.

Итак, различие обобщенных нормативных посылок и возможных способов их воплощения в конкретизированных формах общественной жизни создает все многообразие существующих и существовавших концепций справедливости. Но это многообразие не является беспредельным, поскольку на своем общем (философско-этическом) уровне употребления само понятие «справедливость» имеет более или менее устойчивые смысловые границы. Одна из границ задается тем, что система нравственно оправданных целей общества не может выходить за пределы утверждения о том, что справедливое общественное устройство в каком-то наиболее общем зачете равным образом служит фундаментальным интересам всех членов общества. Идея справедливости немыслима без идеи равенства³.

¹ Гусейнов А. А. Справедливость // *Этика. Энциклопедический словарь*. М.: Гардарики, 2001. С. 458. К этой трактовке Аристотеля в целом присоединяется Б. Н. Кашников (*Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России*. Великий Новгород, 2004. С. 17–18).

² Гусейнов А. А. Справедливость. С. 458.

³ Как указывает С. Гозепат, автор статьи о равенстве в «Стэнфордской энциклопедии по философии», «справедливость не может быть объяснена без принципов равенства, равно как и принципы равенства могут получить свою нормативное значение

Это ограничение может обосновываться различными способами. Самый прямой из них апеллирует к общей нормативно-ценностной аксиоматике морального сознания, которая предполагает, что любой человек обладает непреходящей ценностью в качестве объекта уважения и заботы. Раз справедливость является нравственным концептом, она не может не опираться на это основоположение, не может пренебрегать идеей равенства. Однако есть и другой способ, который опирается на функциональные особенности понятия «справедливость». Если задаться вопросом о том, как функционирует это понятие в нравственном дискурсе, то вполне очевидным ответом будет следующий: оно санкционирует и легитимизирует различные формы социального устройства, шире – различные образцы межчеловеческих взаимодействий. В таком случае следует признать, что это понятие может употребляться только тогда, когда есть потребность в легитимизации общественных структур. Термин «справедливость» оказывается востребован, когда существуют слои, группы, индивиды, которые по тем или иным основаниям чувствуют себя маргинализованными или отчужденными в рамках данного общественного порядка.

Концепции справедливости либо выдвигаются теми, либо обращены к тем, кто ощущает или могли бы ощущать чувство глубинного социального дискомфорта. В том случае, когда не ощущают, но могли бы ощущать, возникает адресат-заместитель, например, представитель доминирующей группы, который сопереживает чужой маргинализации, воспринимает ее как проблему. Соответственно, если дискурс справедливости призван легитимизировать социальный порядок, то есть обеспечить добровольное участие членов сообщества в кооперации, то этого можно достичь либо демонстрацией того, что уже в наличном положении маргинализация мнима, а переживаемое отчуждение необоснованно, либо выявляе-

только в качестве принципов справедливости» (*Gosepath S. Equality (2001) // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E. N. Zalta. Stanford: The Metaphysics Research Lab, Stanford University (<http://plato.stanford.edu/entries/equality>), см. также: Gosepath S. The Place of Equality in Habermas' and Dworkin's Theories of Justice // European Journal of Philosophy. 1995. Vol. 3. № 1. P. 21–35). Схожую мысль мы находим у А. А. Гусейнова: «Для построения теории справедливости существенно признание того, что индивиды рассматриваются в аспекте совместной жизни как взаимно нуждающиеся друг в друге и потому равные между собой... Люди равны в качестве «соучредителей» социального пространства» (*Гусейнов А. А. Справедливость. С. 458*).*

нием и реализацией тех изменений, которые устранят дискомфорт. Отправной точкой в гипотетическом или реальном диалоге по этому вопросу между доминирующими и подавляемыми группами может быть лишь утверждение о каком-то исходном равенстве между ними, о единстве потребностей их представителей в отношении определенных благ. Только на фоне подобного равенства институты могут получить нравственную санкцию, если, конечно, кто-то вообще предварительно задавался вопросом о ней.

В связи с этим есть определенные претензии к проводимому некоторыми исследователями разграничению «иерархической» и «эгалитарной» общей справедливости¹. На уровне институциональной структуры (то есть на уровне частной справедливости) общество может быть преимущественно иерархическим или преимущественно эгалитарным. И в первом, и во втором случае его устройство может получать нравственную санкцию, то есть может рассматриваться как система справедливого равенства или как система справедливого соподчинения. Но если иметь в виду саму процедуру легитимизации, то она в нормативном поле понятия «справедливость» всегда имеет предельно общую эгалитарную посылку. Определенная социальная система подтверждает свое моральное право на существование, доказав, что ее институты обеспечивают каждому члену общества в качестве отдельного человеческого существа максимально возможный в этом несовершенном мире доступ к каким-либо фундаментальным благам².

Естественно, что упомянутая процедура разворачивается на фоне разного понимания фундаментальных благ и независящих от воли человека обстоятельств доступа к ним. Однако, несмотря на это, ни одна теория (или концепция) справедливости, не может быть иерархической до самых своих глубин. Это утверждение со-

¹ Например, это разграничение использует Б. Н. Кашников (*Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости. С. 37*).

² Ср. с наблюдением Б. Уильямса о том, что эгалитарная идея отношения к людям «с человеческой точки зрения» вполне совместима с «определенным видом иерархического общества, пока оно поддерживает свое существование без принуждения и сохраняет человеческое понимание между группами и слоями. В таком обществе... большинство людей сознают, что за социально-сословными ролями стоят человеческие существа» (*Williams B. O. The Idea of Equality // Williams B. O. Problems of the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 238*). Эта воображаемая ситуация до определенной степени отражает реальные условия использования понятия «справедливость» для оправдания иерархического порядка.

храняет свою силу, несмотря на то, что в качестве аргумента, легитимизирующего социальный status quo, подчас используется указание на природное неравенство групп и различие их позиций в миропорядке. Раз потребовался аргумент для легитимизации, значит, он возник в ответ на чей-то вопрос: почему я и моя группа находимся в этой позиции, хотя могли бы находиться в другой, или, иными словами, почему мы могли бы быть равными, но неравны? В самом крайнем случае, этот аргумент возникает как способ предупреждения подобных вопросов¹.

Существенно, что отличающиеся друг от друга варианты понимания общей справедливости не могут быть не только в полном смысле иерархическими, но и в полном смысле холистскими. Ведь исходные посылки холизма также исключают возможность опираться на идею равенства как на архимедову точку легитимизации. В связи с этим, мысль А. А. Гусейнова о том, что в «кооперативно-холистических» теориях справедливости благо государства ставится выше блага отдельных индивидов, требует серьезных пояснений. Хотя бы в свете его же собственного утверждения, что посылкой любой «цельной концепции справедливости» является равенство и

¹ Мировоззренческая основа вопрошания по поводу справедливости может быть различной. Доводы в пользу справедливости иерархического общественного устройства исторически противостоят, прежде всего, мифологическим картинам всеобщего равенства, присутствующим в большинстве культурных традиций (век Кроноса и его многочисленные аналоги). Первобытность с ее неиерархизированными социальными структурами оставила достаточно глубокий след в культуре, чтобы иерархические институты были вынуждены оправдывать свое существование. Соответственно, идеологические системы обоснования естественной иерархии складываются либо как объяснение, почему сегодня все не так, как было, либо как доказательство того, что так никогда не было. Схожую роль играл и социальный опыт соседних народов (первобытных или менее иерархизированных). Ср. использование рассуждения о камбоджийских традициях в борьбе Будды против религиозного и отчасти социально-политического значения кастовой системы (*Sheth S. Equality and Inequality in Hindu Scriptures // Equality and the Religious Traditions of Asia / Ed. by R.Siriwardena L.: Frances Pinter, 1987. P. 47*). Позднее в идейный вызов иерархиям превратилось едва ли не повсеместно распространенное представление о фундаментальном этическом равенстве между людьми (см. в связи с этим интересную полемику между К. Ирани и Х. Эделсоном, в которой первый пытается доказать общераспространенность в древнейших культурах понимания справедливости как выражения равенства, а второй – продемонстрировать его исключительную связь с иудейской монотеистической традицией (*Irani K. The Idea of Social Justice in the Ancient World // Social Justice in the Ancient World / Ed. by K. Irani and M. Silver. Westport: Greenwood Press, 1995. P. 1–10, Adelson H. The Origins of a Concept of Social Justice // Social Justice in the Ancient World / Ed. by K. Irani and M. Silver. Westport: Greenwood Press, 1995. P. 25–38*)).

врожденное право граждан на доступ к определенным благам¹. Если ни одна из интерпретаций справедливости, соответствующая конкретизируемому в ней нормативному понятию, не может уйти от равенства в качестве своей точки отсчета, то «этическое гипостазирование государства» в ней возможно лишь как результат демонстрации того, что благо индивида в некотором финальном анализе сливается с благом социального целого (а не просто ниже его).

Таким образом, обсуждая функциональное назначение концепта «справедливость», мы приблизились к пониманию того, как общая справедливость трансформируется в частную и каким образом формируются концепции справедливости на фоне ее предельно общего понятия. Следуя различными путями и опираясь на различное мировоззренческое содержание, концепции справедливости воспроизводят общую структурную модель рассуждения, которую принято называть «презумпцией равенства». Презумпция равенства состоит в том, что именно общественное неравенство, а не равенство нуждается в оправдании перед лицом справедливости. То есть, в соответствии с данным принципом, для признания какого-то неравенства допустимым следует привести в его защиту основательные аргументы, отталкивающиеся от самой морали, религии, метафизики или беспристрастного анализа действительных условий социальной реальности.

Сама формулировка «презумпция равенства» принадлежит И. Берлину, считавшему, что знаменитой бентамовской формуле («каждый должен считаться за одного человека и никто – больше, чем за одного») предшествует в качестве основания более фундаментальное и более широкое эгалитарное утверждение: «если дано, что существует класс человеческих существ, то отсюда следует, что ко всем членам этого класса, людям, следует относиться одинаково и единообразно, пока нет достаточных причин не делать этого»². Отсюда следует, что даже иерархическое общество нуждается

¹ Гусейнов А. А. Справедливость. С. 457–458.

² Berlin I. Equality // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. P. 302–303. Похожие формулировки мы встречаем и у других философов морали. См.: Полз Д. Теория справедливости. С. 439; Hare R. Justice and Equality // Justice: Alternative Political Perspectives / Ed. by J. P. Sterba. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1992. P. 186; Williams B.O. The Idea of Equality. P. 231. Более подробный обзор: Прокофьев А. В. Фундаментальное этическое равенство и проблемы социальной этики // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 67–78.

не просто в *объяснении*, а в *оправдании* существующих неравенств¹. Но отсюда же проистекает и то обстоятельство, что идеал равенства при его операционализации в рамках конкретных концепций справедливости может выражаться в требованиях тождественного, пропорционального или даже просто сбалансированного распределения тягот и преимуществ. По известной мысли Р. Дворкина, моральное равенство, хотя и предписывает относиться к различным людям с равной заботой и уважением, не предписывает относиться к ним одинаково². Применение презумпции равенства всегда предполагает выбор каких-то принципов дифференциации, соотнесение и иерархизацию различных аспектов уравнивания.

Ч. Тейлор в работе «Природа и область распределительной справедливости» описывает формирование конкретной концепции общей справедливости в виде трехшаговой процедуры. Она включает исходную фиксацию морального «достоинства» каждого человека, выявление контуров «человеческого блага» и установление характера зависимости человека от общества в деле достижения полной и процветающей жизни³. Дальнейшая конкретизация этой концепции, перевод ее на язык институтов и традиционных практик выводят нас на уровень справедливости специальной. В этом случае к трем тейлоровским шагам добавляется ряд дополнительных ступеней, которые С. Гозепат (также считающий презумпцию равенства «утонченной процедурой конструирования теорий справедливости») представил в виде череды последовательных вопросов: «Каковы конкретные блага и тяготы, подлежащие справедливому распределению? Какие ресурсы представляют собой предмет распределительной справедливости? Каковы сферы справедливости, в которые должны быть сгруппированы эти ресурсы? Кто реципиенты распределения? Кто обладает *prima facie* претензией на честное распределение? Каковы часто упоминаемые, но неоправданные исключения из равного распределения? Какие неравенства оправданы? Какая концепция распределения, следовательно, является наилучшей?»⁴

¹ Berlin I. Equality. P. 305.

² Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge: Harvard University Press, 1977. P. 370.

³ Taylor Ch. The Nature and Scope of Distributive Justice // Taylor Ch. Philosophy and the Human Sciences. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 290–291.

⁴ Gosepath S. Equality.

Общая и частная справедливость: различие степеней аксиологической общности

Именно так выглядит алгоритм формирования представлений о наилучшем обществе на основе употребления нормативного понятия «справедливость», если общим фоном рассуждения служит то понимание его многозначности, которое было предложено А. А. Гусейновым. Однако дело в том, что многозначность исследуемого понятия предполагает и иные измерения. Та же самая аристотелевская дистинкция частной и общей справедливости позволяет увидеть это вполне отчетливо. Частную справедливость у Аристотеля отделяет от общей не только различие в уровнях нормативной конкретизации, но и различие в степени аксиологической общности. В этом смысле характерно разделение Стагиритом таких проявлений «правосудности» как «законность» и «справедливое равенство» (*греч.* – *to ison*, в переводах Аристотеля на английский – *fairness*), и установление между ними отношений включения. «Законность», отождествляемая Аристотелем с общей «правосудностью», представляет собой более широкое понятие и относится к «справедливому равенству» как целое к части (EN1130b5–15). На тот же оттенок многозначности указывает аристотелевский анализ основного источника частной несправедливости – «свокорыстия», представляющего собой изолированное от других порочных мотиваций стремление получить больше причитающейся доли (1130a15–25)¹. Если использовать этот подход к разграничению понятий, слегка модифицируя его и проясняя, то можно предположить, что справедливость в качестве «полной добродетели» соединяет в себе все ценностные основы социального общежития, а в качестве ее части – лишь внешним образом соотносится с другими добродетелями и ценностями².

¹ Критический анализ этой части аристотелевского учения см. в работе Б. Уильямса «Справедливость как добродетель» (*Williams B. Justice as a Virtue // Essays on Aristotle's Ethics / Ed. by A. O. Rorty. Los Angeles: University of California Press, 1980. P. 189–200*), апологетический – в работе Д.О'Коннора «Аристотелианская справедливость как личная добродетель» (*O'Connor D. K. Aristotelian Justice as a Personal Virtue // Midwest Studies in Philosophy. Vol. XIII. Ethical Theory: Character and Virtue. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1988. P. 417–427*).

² В целом похожую интерпретацию аристотелевского разграничения общей и частной справедливости дают Р. Хэар и Ф. Миллер: *Hare R. M. Justice and Equality. P. 187. Miller F.D. Nature, Justice and Rights in Aristotle's Politics. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 68–69.*

Современному языковому обиходу это различие употреблений слова «справедливость» также не чуждо.

Когда мы говорим о справедливости в общем смысле, она является для нас приблизительным эквивалентом понятия «общественное благо», при допущении, что последнее нашло выражение в реальной или воображаемой системе прав и обязанностей членов общества. Такая справедливость представляет собой результат соотнесения и уравнивания между собой целого ряда приоритетных ценностей, реализуемых людьми в ходе совместного существования. Под углом зрения общей справедливости справедливое общество тождественно наилучшему (наилучшему в общем смысле или наилучшему, принимая во внимание культурно-историческую специфику данной группы людей). Практический и теоретический поиск общей справедливости предполагает стремление к социальному оптимуму, устанавливающему компромисс между такими разнородными целями, как обеспечение безопасности, свободы самовыражения, удовлетворенности жизнью отдельных членов общества, а также экономической эффективностью социальной системы в целом, ее внутренней устойчивостью, способностью противостоять внешним угрозам и т. д.

В тоже время частная справедливость, которую можно отождествить с честностью, представляет собой уже не общий баланс ценностей, а лишь одну из ценностей, которую общество может реализовывать наряду с прочими. Справедливость в узком смысле слова представляет собой такое распределение тягот и преимуществ, желанных и нежеланных видов опыта между индивидами, которое пропорционально их действиям, затрагивающим интересы других людей или общества в целом. Частную справедливость необходимо мыслить как распределение по заслугам – античное «равное отношение к равным и неравное отношение к неравным». Отсюда следует, что частная *не*-справедливость выявляется тогда, когда мы сравниваем положение одних членов общества с положением других или же с каким-то идеальным стандартом, который фиксирует, какими должны быть воздаяние и вознаграждение участников социальных взаимодействий¹.

¹ Очевидно, что требования примитивного эгалитаризма (или «простого равенства», в терминологии М. Уолцера) также относятся к частной справедливости, понимаемой как честность или пропорциональность заслугам. Его порождает следующая

Парадигмальными примерами частной несправедливости являются безнаказанность или недостаточно жесткое наказание, а также индивидуальная неблагодарность или недостаточное вознаграждение за действия, вносящие положительный вклад в жизнь сообщества. В первом случае имеет место недополучение индивидом, причинившим ущерб, своей меры тягот и лишений, во втором – недополучение той меры благ и преимуществ, которая была бы пропорциональна отдельному благодеянию или растянутой во времени общественно полезной практике. Таким образом, в центре внимания частной справедливости находится положение отдельного субъекта общественной кооперации в том, что касается соответствия между его долей подлежащих индивидуально использованию благ (или подлежащих индивидуально претерпеванию тягот) и характером его участия в кооперативной деятельности. Нельзя не заметить также, что частная справедливость сосредоточена преимущественно на честном отклике на уже совершенное благо и уже причиненное зло и в этом смысле имеет *ретроспективный* характер.

Будучи отдельной социальной ценностью или отдельным благом, частная справедливость может извне ограничиваться другими ценностями и благами, суммируемыми в понятии справедливости общей. При этом излишняя концентрация на проблемах частной справедливости может носить пагубный для общества характер. Именно для частной справедливости как честной пропорциональности заслуг и воздаяния имеет смысл известное средневековое изречение: «пусть свершится справедливость, хотя бы разрушился весь мир». Общая же справедливость как представление о социальном оптимуме изначально ориентирована на то, чтобы устранить возможность каких бы то ни было общественных катастроф. Она является основанием для коррекции отдельных решений или общезначимых нормативов, однобоко и прямолинейно преследующих цель достижения честной пропорциональности.

Приведем некоторые примеры. Первый касается соотношения частной справедливости и экономической эффективности общества. Рост общего количества потребляемых благ и даже увеличение их доли, приходящейся на каждого члена общества, строго говоря,

нормативная логика: никто не заслужил больше, чем другой, или все заведомо заслуживают одинаковой доли.

не входит в идею честности. Более того, попытка точно соблюдать пропорциональность распределения заслугам (как и попытка обеспечить простое распределительное равенство) могут серьезно ослабить экономический потенциал общества. Таков лейтмотив либертариистской социально-этической мысли, которая пытается ограничить сферу применения понятия «справедливость» исключительно межличностными отношениями, имея при этом ввиду именно справедливость как пропорциональность распределения каким-либо нормативным шаблоном. Однако на уровне общей справедливости рост количества распределяемых благ, без сомнения, представляет собой одну из существенных ценностей и целей. Ее достижение может потребовать изменения дистрибутивной схемы по сравнению с распределением, которое соответствует личному вкладу каждого в общее дело или идеалу уравнительного пользования различного рода ресурсами.

Именно это происходит в теории справедливости Дж. Ролза. Для него само понятие честности предполагает увеличение общего количества потребляемых благ, хотя это увеличение и ограничено тем условием, что в его ходе должно улучшаться положение наименее преуспевших. Таким образом, в теории Дж. Ролза мы должны усматривать не простое расширение частной справедливости до уровня общей, которая только и заслуживает названия «первой добродетели общественных институтов»¹, а попытку, используя понятие «честность», построить такую теорию, в которой находили бы свое выражение некоторые из благ, являющихся внешними по отношению к справедливости, понимаемой как пропорциональность заслугам или как равная доля².

Другой пример касается распределения тягот и лишений, которые подразумеваются в случае справедливого наказания. В рамках частной справедливости наказание преступника должно определяться исключительно тяжестью его деяния, характером причиненного вреда. Однако существует множество привходящих аргументов, связанных с общественным благом, которые могут варьировать жесткость наказания. Еще Т. Гоббс в соответствующем пункте

¹ Такова оценка позиции Дж. Ролза Б. Йюком (*Yack B. The Problems of a Political Animal: Community, Justice, and Conflict in Aristotelian Political Thought. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 159*)

² К такому мнению склоняется Т. Кемпбелл (см.: *Campbell T. Justice. P. 13*).

естественного закона утверждал, что случае воздаяния злом за зло следует «сообразовываться не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое последует за отпущением»¹. Если Т. Гоббс при этом формулирует именно правило справедливости, то скорее общей, чем частной. «Будущее благо», о котором он ведет речь, включает неограниченный ряд параметров, которые необходимо обеспечивать в оптимальной общественной системе. Наказание в этой перспективе может определяться и целью исправления преступника, и целью сохранения общественного порядка, и целью достижения благоприятного эмоционального климата в сообществе. Каждая из этих целей оказывается для законодателя и судьи одной из гирек на весах правосудия, наряду с тяжестью наказуемого деяния.

Еще более ярким примером служит проблема так называемого «правосудия переходного периода», то есть проблема осуществления справедливости в тех политических сообществах, где существовал диктаторский режим или имела место длительная гражданская война. С позиции частной справедливости в них накопилось значительное количество совершенных ранее злодеяний, которые вызывают к справедливому возмездию. Огромные массы людей претерпели ущерб и могут настаивать на его возмещении. Однако перспективные соображения общественного мира и сотрудничества, а также учет ограниченных физических возможностей юридической системы заставляют искать иные механизмы решения проблем. Строгость и скрупулезность воздаяния вынуждена уступить место организованным процедурам взаимного прощения и согласования интересов².

Данные примеры, в отличие от примера с экономической эффективностью, показывают, что для общей справедливости свойственно акцентированное внимание к тем благам, которыми невозможно пользоваться порознь или которые вообще не могут быть распределены пропорционально. Таковы гражданский мир и общественная безопасность, здоровое состояние природной среды и благоприятный эмоциональный климат в сообществе. Поэтому доля индивидуально распределяемых благ и лишений вполне может оказаться непропорциональной в свете дистрибутивных критериев ча-

¹ Гоббс Т. Левиафан. С. 118.

² См.: Govier T. *Forgiveness and Revenge*. L., N.Y.: Routledge, 2002.

стной справедливости, но при этом морально оправданной, поскольку это способствует максимизации того, что индивидуально не распределяется.

Итак, мы установили, что в рамках второго понимания различий между общей и частной справедливостью, общая – выступает как способ коррекции частной, как основание для установления границ ее притязаний. Однако мне представляется, что зависимость между ними носит более глубокий характер. Ведь сама возможность подобной коррекции возникает лишь тогда, когда присутствуют достаточно определенные критерии частной справедливости, позволяющие людям выявлять, кто и что заслужил. Откуда же берутся такие критерии? Что определяет меру вознаграждения, соответствующую вкладу в общее дело, или меру возмездия, соответствующую характеру злодеяния? Если мы не руководствуемся прозрачными и безотказными, сугубо формальными правилами типа «око за око, зуб за зуб», то критерии частной справедливости представляют собой сколок предыдущей истории сознательного или исторически бессознательного поиска социального оптимума, то есть поиска общей справедливости. Например, Б. Йок полагает, что именно это и имел в виду Аристотель, проводя свое знаменитое разграничение. Человек, являющийся справедливым в свете частной справедливости, способен устранять несоответствия тем стандартам воздаяния и заслуги, которые существуют на настоящий момент в определенном сообществе. Тот же, кто справедлив в общем смысле, может применительно к конкретной ситуации руководствоваться всей полнотой общего блага¹. Именно его добродетель подобна «свету вечерней и утренней звезды» (EN 1129b23).

Отсюда можно сделать вывод, что второй аспект многозначности понятия «справедливость» проявляет себя в первую очередь на одномоментном срезе тех социально-этических ценностей, которыми руководствуются люди, живущие в определенном сообществе. Здесь соображения частной справедливости могут оказаться противопоставлены соображениям общей. Однако дело в том, что это противостояние, в конечном итоге, может привести к изменениям в действующих стандартах воздаяния и заслуги. И это означает, что в динамическом (или диахроническом) отношении общая справедливость все равно предстает не просто как корректив, а как

¹ Yack B. The Problems of a Political Animal. P. 163.

источник частной. При этом генезис последней протекает по уже известному нам алгоритму: от представления о равенстве членов сообщества в качестве соучредителей социального пространства к конкретизации его нормативных принципов и институциональной структуры.

Подводя итог и исходя из анализа различных аспектов своеобразия частной и общей справедливости, можно предложить следующую обобщенную характеристику исследуемого нормативного концепта. Справедливость в своем предельно общем определении есть идея равенства между людьми, пропущенная через систему представлений об устройстве мира и социума, о человеческом благе и предназначении и конкретизируемая в должном порядке взаимодействия между членами общества. Этот порядок задается распределением выгод и потерь, преимуществ и тягот совместной жизни на основе *прав*, выражающих нравственное достоинство лиц, *обязанностей*, определяющих характер участия конкретных индивидов и групп в общественной кооперации, а также *качества деяний*, которое создает дополнительный критерий дифференциации индивидуальных прав и обязанностей. Следует также иметь в виду, что понятие справедливости носит многоаспектный характер. На его основе в рамках некоего сообщества регулируются взаимодействия между людьми, касающиеся заключаемых ими соглашений, распределяемых благ, а также санкций за нарушение социальных нормативов. Эти аспекты соответствуют в целом традиционному делению справедливости на обменивающую, распределительную и воздающую. То есть в своей полноте любая концепция справедливости предполагает сочетание определенной дистрибутивной схемы, системы санкций и системы гарантий соблюдения соглашений.